Риски внедрения национальных цифровых валют в контексте основных прав и свобод человека

(Перевод на русский язык. Оригинал исследования на английском языке доступен на интернет-ресурсе НКО по адресу: https://hrhouse.us/cbdc_risks_march_16_2025).

Даты проведения исследования: январь - март 2025 года.
Дата публикации: 16 марта 2025.

Введение

Цифровые валюты центральных банков (CBDC) — национальные цифровые формы денег, выпускаемые центральными банками — быстро переходят от концепции к реальности по всему миру. Более 130 стран (представляющих 98% мировой экономики) исследовали или пилотировали CBDC (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Сторонники утверждают, что CBDC могут модернизировать платежи, повысить финансовую инклюзивность и улучшить денежно-кредитную политику. Однако, как показывает исследование HUMAN RIGHTS & ANALYTICAL HOUSE, введение CBDC несет серьезные риски для основных прав и свобод человека, общественного развития, национального суверенитета и самих основ демократии. В этом исследовании представлен академический анализ этих рисков в глобальном масштабе с особым вниманием к событиям в Соединенных Штатах и России (а также в более широком СНГ), в Азии (особенно в Китае) и других регионах мира. Мы изучаем, как CBDC, если их использовать не по назначению, могут обеспечить беспрецедентное наблюдение и контроль над гражданами, что потенциально может привести к «цифровому рабству» и подрыву государственного суверенитета — повествование не о заговоре, а о законной обеспокоенности, основанной на появляющихся доказательствах. Мы также сравниваем меры, принимаемые различными правительствами, в частности Соединенными Штатами (включая действия администрации президента Дональда Трампа), с авторитарными режимами, для смягчения или использования этих цифровых угроз.

Критически анализируя надежные источники и тематические исследования, этот отчет подчеркивает, что опасность CBDC заключается не только в их способности осуществлять полный финансовый контроль, но и в вероятности их использования для подавления основных прав и свобод — путь, который может привести к цифровому авторитаризму и подорвать будущее демократии, человеческого развития и достоинства. Весь анализ представлен в академической, основанной на фактах структуре, избегая необоснованных теорий и фокусируясь на задокументированных тенденциях и экспертных оценках.

Размывание конфиденциальности и возможности наблюдения

Одной из самых актуальных проблем прав человека в связи с CBDC является потенциальная потеря финансовой конфиденциальности. В отличие от наличных денег, которые можно тратить анонимно, транзакция CBDC создает цифровую запись в централизованном реестре. Каждой цифровой «банкноте» можно присвоить уникальный идентификатор и отслеживать ее. Впервые валюта может позволить правительствам отслеживать каждую транзакцию каждого гражданина в режиме реального времени (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Например, в случае предлагаемого Россией цифрового рубля экономисты отметили, что «каждый рубль будет промаркирован... государство сможет отслеживать движение каждой цифровой «банкноты» и знать, когда и на что она была потрачена» (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). То, что изначально может звучать как повышение прозрачности и предупреждение преступности, может быстро трансформироваться в архитектуру тотального наблюдения. Как предупредил один российский комментатор, системы «тотального контроля» строятся таким образом, чтобы власти могли консолидировать «все данные о нашей частной жизни: кто мы, чем дышим, как живем, где находимся, что делаем и как тратим деньги», легко создавая «социальные цифровые рейтинги», которые исключают любую личную тайну (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). В таком случае традиционные представления о банковской тайне, финансовой конфиденциальности и анонимности в личных делах фактически исчезнут.

Это не просто теоретический страх. Международные центральные банковские власти открыто признают беспрецедентный контроль, который CBDC могут предоставить правительствам. Агустин Карстенс, генеральный директор Банка международных расчетов (BIS), заявил, что «ключевое отличие CBDC заключается в том, что центральный банк будет иметь абсолютный контроль над правилами и положениями, которые будут определять использование этой валюты, а также у нас будут технологии для обеспечения этого» (Риски CBDC | Cato Institute). Такие откровенные признания высших должностных лиц подчеркивают, что CBDC по своей сути создает «цифровую связь» между гражданами и государством (Риски CBDC | Cato Institute). Каждая транзакция может быть объектом мониторинга и регулирования, чего не происходит с наличными деньгами или децентрализованными криптовалютами. «Душа денег», как выразился Карстенс, перестает принадлежать народу; она становится инструментом государственной власти (Цифровые валюты и душа денег) (Риски CBDC | Cato Institute).

Последствия повсеместного финансового надзора для прав человека глубоки. Конфиденциальность — это основополагающее право, связанное с автономией и достоинством; если правительство (или даже частный субъект, через утечки данных) может видеть все покупки, переводы и сбережения человека, оно получает представление практически о каждом аспекте жизни человека — его привычках, связях и даже убеждениях. Например, взносы в определенные благотворительные или политические организации, покупка литературы или лекарств, маршруты поездок — все это можно вывести из истории расходов человека. В авторитарных условиях такая информация может и использовалась для преследования диссидентов или групп меньшинств. Даже в демократических странах нависает угроза злоупотреблений. Централизованное хранение данных такой конфиденциальности также привлекает хакеров и утечки. Эксперты по кибербезопасности предупреждают, что ни одна система не защищена на 100%; реестр CBDC будет высокоценной целью. В случае взлома «все ваши покупки и денежные переводы могут стать общедоступными» (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем), подвергая граждан криминальному преследованию или общественному контролю за совершенно законными, но личными расходами. Риск крупномасштабных утечек данных финансовой информации, таким образом, является новой угрозой конфиденциальности, возникающей из CBDC (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем).

Во время пандемии COVID-19 мир увидел, как чрезвычайные условия позволили принять беспрецедентные меры наблюдения. Многие правительства внедрили цифровые приложения для отслеживания контактов, отслеживания местоположения и системы паспортов вакцин, которые собирали и проверяли персональные данные, часто с недостаточными мерами безопасности. Хотя это были меры здравоохранения, они создали прецедент для нормализации цифрового наблюдения.

В Китае, если привести яркий пример, власти манипулировали приложениями для здоровья COVID, чтобы ограничить передвижение активистов, фактически превратив инструмент общественного здравоохранения в оружие для политического контроля (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Меры реагирования на COVID-19 во всем мире были отмечены масштабными нарушениями конфиденциальности и других прав (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Этот мировой опыт показывает, что в условиях кризиса (будь то пандемия или беспорядки) правительства могут действовать сообща, чтобы ввести нарушающие фундаментальные права и свободы человека цифровые меры. Система CBDC уже позволяет осуществлять рутинное отслеживание; в чрезвычайные времена ее можно быстро использовать для выявления и преследования лиц, считающихся диссидентами или «угрозами безопасности» на основе их финансового поведения. Таким образом, пандемия представляет собой предостерегающую историю: когда правительства обладают всеобъемлющими цифровыми полномочиями, даже либеральные демократии могут ограничивать права и ограничивали их практически единообразным образом во всем мире (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Если CBDC получат повсеместное распространение, будущий кризис может привести к скоординированному финансовому надзору в глобальном масштабе, выходящему далеко за рамки того, что было возможно ранее.

Подводя итог, можно сказать, что CBDC угрожают подорвать конфиденциальность финансовой жизни, неотъемлемый компонент индивидуальной свободы. Возможность совершать транзакции без пристального взгляда властей связана со свободой слова, объединений и вероисповедания (например, рассмотрите конфиденциальность, необходимую для пожертвований на спорные цели или в места поклонения). Регистрируя каждую транзакцию для идентифицируемого лица, CBDC могут поставить общество на путь всеобъемлющего надзора, фундаментально изменяя баланс сил между гражданином и государством. Этот риск не является гипотетическим — он заложен в технологии и уже признан разработчиками. В следующих разделах будет рассмотрено, как эта возможность надзора может трансформироваться в прямой контроль и ограничения, еще больше подвергая опасности основные права и свободы.

Финансовый контроль, «программируемость» и подавление свобод

Помимо наблюдения, CBDC вызывают тревогу об активном контроле над экономическим выбором людей. Цифровая валюта не просто отслеживаема — она также «программируема». Это означает, что эмитент (центральный банк или правительство) потенциально может встраивать правила или ограничения в сами деньги. В отличие от наличных денег, которые можно свободно тратить, как только они окажутся в руках, программируемая цифровая валюта может быть потрачена только при определенных условиях. Эта возможность открывает дверь беспрецедентному государственному контролю над личными расходами и поведением.

Эксперты отмечают, что CBDC могут быть разработаны для ограничения или предписания типов товаров и услуг, которые разрешено приобретать (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Например, если власти хотят ограничить потребление алкоголя или импорт иностранной продукции, они могут запрограммировать цифровую валюту на отклонение любых транзакций в магазинах спиртных напитков или у иностранных розничных торговцев (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Во время экономических или политических кризисов такой детальный контроль может распространяться на товары первой необходимости: правительство может нормировать продукты питания или топливо, диктуя, что кошелек CBDC каждого гражданина может купить только ограниченное количество продуктов или бензина в неделю. Действительно, аналитики сравнивают это с цифровой формой «талонов на продукты питания» или продовольственных карточек, навязываемых кодом (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Хотя сторонники могут утверждать, что это может обеспечить справедливое распределение в чрезвычайных ситуациях, это также можно

использовать в репрессивных целях — например, ограничивая диссидентов в покупке определенных товаров или требуя поведения «лояльности» для разблокировки полного доступа к своим средствам.

Еще один антиутопический сценарий — интеграция контроля CBDC с системой социального кредита. В обществе с социальным «рейтингом» граждане, которых правительство считает «хорошими» или послушными, могут получить больше финансовой свободы, тогда как те, кого называют «плохими» или непослушными, могут столкнуться с ограничениями расходов или даже потерей доступа к средствам (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Эта идея не надуманна – «если углубиться в антиутопию», – писал один российский обозреватель, – «то можно представить себе и более серьезные ограничения, основанные на так называемых «социальных рейтингах»: «хорошие» люди могут тратить свои деньги на что угодно, а «плохие» люди ограничены в этом» (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Существующая в Китае система социального кредита, которая наказывает граждан за различные правонарушения (от критики правительства до мелких правонарушений), уже демонстрирует склонность связывать поведение с доступом к услугам. Легко увидеть, как в такой системе сами деньги могут стать рычагом соответствия: человек с низким социальным баллом может обнаружить, что его цифровые деньги пригодны только для основных нужд или вообще не пригодны для использования за пределами его родного региона, например. Свобода слова, собраний и политического участия может быть косвенно подавлена финансовыми средствами — вы вольны протестовать или выражать несогласие, но вы можете проснуться на следующий день и обнаружить, что ваш цифровой кошелек заморожен или ваши средства обесценены в качестве наказания.

Важно то, что технология для этого существует. Банк международных расчетов и центральные банкиры открыто обсуждали «программируемые» CBDC, отмечая, что определенные политики (например, отрицательные процентные ставки или лимиты расходов) могут быть реализованы посредством кода (Риски CBDC | Cato Institute) (Риски CBDC | Cato Institute). Сообщается, что в ходе ранних экспериментов Китай тестировал истекающую цифровую валюту во время программ стимулирования экономики — выдаваемые гражданам цифровые юани должны были быть потрачены к определенному сроку, иначе они исчезали (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Обоснованием было стимулирование потребления, но оно продемонстрировало мощный инструмент: деньги, которые «самоуничтожаются», если их не тратить. Высокопоставленный российский банковский эксперт также предупредил, что CBDC может быть закодирована для «сжигания» денег, которые не используются достаточно быстро, фактически не давая людям делать сбережения — «жесткий сценарий», отмечает он, «но технически возможно включить его в код» (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Такие особенности равносильны проектированию финансового поведения граждан: используй или потеряй. Принудительные траты, невозможность сберегать и отрицательный процент (налог на хранение денег) становятся осуществимыми. Это не только нарушает права собственности (право свободно использовать свои деньги), но и личную автономию — государство диктует, как и когда вы должны потреблять.

Другой формой контроля является мгновенное замораживание или арест активов. Правительства уже замораживают банковские счета для обеспечения исполнения судебных решений или санкций, но это обычно включает в себя юридический процесс и посредников. С помощью CBDC правительство может напрямую и немедленно заблокировать средства человека в центральном источнике. Человек фактически «отключается от банковских услуг» одним щелчком переключателя. Финансовые регуляторы признают, что «замораживание чьих-либо финансовых ресурсов является одним из наиболее эффективных способов изолировать их от общества», и система CBDC может сделать этот инструмент «более простым и быстрым», устранив любого посредника (Риски CBDC | Cato Institute). Это порождает призрак внесудебного наказания: власти могут поддаться искушению перекрыть доступ к средствам без надлежащей правовой процедуры, чтобы подавить протесты или инакомыслие. Недавняя история дает показательный пример: в 2022 году во время протестов «Конвоя свободы» в Канаде правительство применило чрезвычайные полномочия для заморозки 210 банковских счетов, на которых хранилось около 7,8 млн долларов, связанных с протестующими, без предварительного постановления суда (Канада начинает разблокировать замороженные банковские

счета «Freedom ...»). Это действие в либеральной демократии было драматичным использованием финансовых рычагов для подавления гражданского неповиновения. Если бы CBDC была на месте, такие заморозки активов могли бы быть выполнены еще более широко и мгновенно, на уровне центрального банка, возможно, даже автоматически помечая и отсекая тех, кто тратил деньги в определенных местах или по определенным схемам. Канадский случай позже был раскритикован как перебор и признан необоснованным надзорными органами (Правительство Трюдо «не имеет оснований» замораживать банки протестующих...) (Использование Трюдо чрезвычайных полномочий для подавления протестов было незаконным), но это иллюстрирует, как финансовый контроль может быть использован в качестве оружия против политических оппонентов или протестующих. В режиме CBDC барьеры для этого будут ниже, а масштаб может быть общенациональным с единым командованием.

С точки зрения прав человека, такие инструменты наносят удар по сути индивидуальной свободы. Возможность совершать транзакции — получать заработную плату, покупать еду, платить аренду — является предпосылкой для пользования большинством других прав. Человек, чьи деньги контролируются внешним органом, не является по-настоящему свободным. Как утверждал губернатор Флориды Рон ДеСантис, выступая против CBDC, «правительство и крупные компании не должны иметь полномочий перекрывать доступ к вашим с трудом заработанным деньгам, потому что они не согласны с вашей политикой» (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Он предупредил, что централизованно выпущенный цифровой доллар может быть «использован в качестве оружия» для продвижения политической повестки дня, представляя собой «массовую передачу власти от индивидуальных потребителей центральному органу власти» (ДеСантис из Флориды ведет беззубую кампанию против цифровых...) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Эти опасения не являются партийными темами для разговоров, а реальными рисками, признанными во всем политическом спектре. Даже сторонники CBDC в демократических странах признают, что необходимо создать защитные меры для предотвращения слежки и контроля, однако ни одна из существующих конструкций CBDC не решает эту проблему. Например, Европейский центральный банк, рассматривая цифровое евро, столкнулся с давлением общественности, чтобы гарантировать, что оно не станет инструментом шпионажа; ранние предложения включают некоторую конфиденциальность для транзакций на небольшие суммы, но полная анонимность явно исключается, чтобы обеспечить надзор за крупными платежами (якобы для предотвращения преступлений) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Граница между надзором и контролем может быстро стираться.

В авторитарных режимах нет сомнений, что CBDC будут использоваться для укрепления диктатуры. Цифровой юань Китая (e-CNY) явно предназначен для «сохранения контроля» над валютой перед лицом криптовалютных и наличных альтернатив (**Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег**), и китайские чиновники хвалили возможность отслеживать и регулировать все расходы. К концу 2021 года более 261 миллиона китайских пользователей активировали цифровые кошельки для e-CNY (Цифровой юань-кошелек Китая теперь насчитывает 260 миллионов индивидуальных пользователей), и миллионы торговцев принимают его. Это быстрое принятие частично обусловлено правительственными предписаниями и стимулами, но, с другой стороны, это дает китайскому государству еще более жесткий контроль над финансовыми потоками. E-CNY связан с реальными личностями граждан (счета открываются с проверкой личности), и он идеально вписывается в расширяющийся аппарат наблюдения Китая, от камер распознавания лиц до аналитики больших данных. Вполне возможно, что Китай мог бы связать свой социальный кредитный рейтинг с привилегиями его цифрового кошелька — действительно, архитектура позволит вносить людей в «черный список», чтобы их деньги перестали нормально функционировать. Высокопоставленный чиновник Коммунистической партии предположил, что цифровой юань — это шанс «обеспечить лидерство партии в контроле финансовой системы», подчеркнув его ценность в укреплении авторитарного управления (Оцифровка валют центральных банков - Southpac Group). Для уйгурского

меньшинства Китая в Синьцзяне, которое и так подвергается интенсивному наблюдению и контролю за передвижением, полностью отслеживаемая валюта может еще больше ограничить их экономическую жизнь и принудить к поведению (например, мгновенно наказать за любые расходы на культурно значимые предметы или переводы семье за границей).

Таким образом, «программируемость» CBDC представляет собой прямую угрозу основным свободам. Она может позволить правительствам диктовать, как граждане тратят свои собственные деньги, тем самым ущемляя личную автономию, достоинство и право на частную жизнь. Она может способствовать дискриминации — будь то политической, религиозной или этнической — позволяя властям нацеливать определенные группы на финансовые ограничения. Она также может служить формой цензуры и принуждения, удерживая людей от действий, которые, хотя и являются законными, не одобряются теми, кто находится у власти (кто рискнет купить спорную книгу или финансировать оппозиционную кампанию, если он знает, что цифровые доллары в его кармане могут быть отключены в результате этого?). В крайней форме, как резко описали критики, это равносильно цифровой тирании: состоянию «цифрового рабства», когда людям разрешено использовать свои деньги только по милости центральной власти (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег). В России некоторые эксперты и законодатели уже называют проект цифрового рубля шагом к «цифровому концентрационному лагерю» — многозначительный термин, намекающий на тоталитарный контроль над жизнью граждан (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Хотя такой язык полемичен, он подчеркивает глубину страха, что CBDC могут быть использованы для подавления личных свобод. В следующих разделах будут рассмотрены более широкие общественные и политические последствия этого сдвига, включая влияние на социальное благополучие, экономические права, национальный суверенитет и демократическое управление.

Влияние на общество и развитие человека

Введение национальной цифровой валюты может существенно изменить общественную структуру и повлиять на развитие человека — как положительно, так и отрицательно. В этом разделе основное внимание уделяется потенциальным негативным последствиям: как CBDC, если они будут реализованы без учета прав, могут помешать общественному прогрессу и благополучию личности. Основные опасения включают подрыв экономических свобод, способствующих развитию, разрушение сетей социальной защиты и неформальной экономики, обострение неравенства (цифровой разрыв) и сдерживающее воздействие на инновации и человеческий потенциал.

Экономическая свободаявляется опорой общественного развития. Способность людей начинать бизнес, свободно совершать сделки, сберегать и инвестировать тесно связана с креативностью, предпринимательством и общим процветанием. Если CBDC позволяют более жесткий государственный контроль над экономической деятельностью, существует риск подавления динамизма общества. Например, предприниматель может колебаться, стоит ли заниматься инновационным, но политически чувствительным предприятием, если каждая транзакция (платеж поставщикам, получение платежей от клиентов) находится под наблюдением или может быть выборочно заблокирована. Чрезмерное регулирование посредством CBDC может усилить атмосферу страха и осторожности, которая препятствует интеллектуальной свободе и принятию риска, качествам, необходимым для человеческого развития и активного гражданского общества. Действительно, экономика России долгое время боролась с чрезмерным регулированием и жесткой бюрократией; наблюдатели опасаются, что цифровой рубль введет «чрезмерное регулирование и драконовские ограничения», «сверхконтроль», который может подавить инициативу и экономическую активность (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Если люди чувствуют, что «Большой брат» следит за каждым их финансовым движением, они могут придерживаться только разрешенных государством видов деятельности и воздерживаться от творческих или оппозиционных начинаний. Этот охлаждающий эффект может уменьшить богатый плюрализм общества — в экономическом, культурном и политическом плане.

Другим важным соображением является роль неформальной (серой) экономики во многих обществах. Хотя зачастую технически она находится вне закона (например, неучтенные наличные рабочие места, мелкая неформальная торговля), серая экономика в таких странах, как Россия, служит жизненно важным механизмом выживания для миллионов людей, особенно в трудные времена (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Исследования показывают, что до 25–35% ВВП России поступает из неформального сектора, и около 15–20 миллионов россиян полагаются на недекларируемый доход для базового выживания (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Это было ярко продемонстрировано во время кризиса COVID 2020 года: когда формальные предприятия закрылись, россияне все чаще стали прибегать к наличным операциям и неформальной работе, чтобы свести концы с концами — наличные деньги в обращении выросли на 22% в том году, намного опередив рост банковской ликвидности (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег). Аналогичные закономерности наблюдаются во многих развивающихся странах во время рецессий или кризисов: люди прибегают к наличным деньгам и общественным сетям, когда формальные системы терпят неудачу.

CBDC грозит ликвидировать наличные деньги или значительно сократить их использование, тем самым сжимая серую экономику. Хотя ограничение неучтенных транзакций может преподноситься как преимущество (больше налоговых поступлений для государства), есть и гуманитарный недостаток. Как отметил экономист Яков Миркин, неформальная экономика выступила в качестве амортизатора в России — «подушки», которая смягчает удары экономических кризисов, позволяя семьям немного зарабатывать не по счетам и выживать (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Если все деньги будут принудительно переведены в отслеживаемую цифровую форму, «семьи [будут] бороться за выживание, уходя в тень, но с цифровой валютой тень больше недоступна» (перефразируя анализ Миркина) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Результатом может стать усиление экономических страданий для наиболее уязвимых слоев населения. Те части населения, которые в настоящее время живут на обочине — фермеры, ведущие натуральное хозяйство, поденные рабочие, мелкие торговцы — могут еще больше маргинализоваться, если каждый их скудный заработок должен быть формализуем или если они будут исключены из системы CBDC из-за отсутствия технологий или надлежащих удостоверений личности.

Действительно, «цифровой разрыв» является серьезным общественным риском. Высокотехнологичная валюта предполагает, что у людей есть средства доступа к ней и ее использования — смартфон, подключение к интернету и цифровая грамотность. В странах с развитой экономикой заметное меньшинство граждан (часто пожилые люди или бедные жители сельской местности) не имеют цифрового подключения. В развивающихся странах эта доля намного больше. Когда Нигерия запустила свою цифровую валюту eNaira, многие сельские и пожилые нигерийцы испытывали трудности, потому что у них «не было устройств или знаний» для ее использования (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег). Правительство Нигерии даже признало, что многим пенсионерам будет сложно получать пособия в цифровой форме из-за отсутствия интернета или смартфонов (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег). Для тех, кто не может легко перейти на цифровые платежи, быстрый толчок к CBDC может оказаться исключительным. Они могут потерять доступ к социальным выплатам или оказаться в зависимости от других, имеющих цифровой доступ, что фактически лишит их экономических прав. К чести Нигерии, она позволила гражданам продолжать получать наличные, но если со временем физические наличные будут постепенно выведены из обращения (чего могут желать центральные банки по соображениям стоимости и контроля), эти люди будут вынуждены перейти в цифровую сферу или останутся позади. Это поднимает вопросы справедливости и инклюзивности. Подход, ориентированный на права человека, потребовал бы, чтобы никому не было отказано в возможности совершать транзакции в базовой экономике общества; однако плохо реализованная CBDC может непреднамеренно создать новый класс «финансово бесправных».

На карту также поставлена социальная стабильность. Если CBDC дестабилизируют финансовый сектор или приведут к политическим ошибкам, пострадать может более широкая экономика и социальная структура. Например, коммерческие банки могут столкнуться с дезинтермедиацией — если люди будут хранить свои средства напрямую в центральном банке через CBDC, у банков будет меньше депозитов для выдачи кредитов, что может сократить доступность кредитов для предприятий и домохозяйств (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости). Тогда центральные банки будут иметь «абсолютный контроль», но также будут нести бремя управления каждым розничным счетом, что традиционно не предусмотрено для них. Неправильно организованное развертывание CBDC может вызвать финансовые потрясения или панику, нанося вред обществу в целом. Даже восприятие чрезмерного вмешательства правительства может вызвать сопротивление: мы видели, как во многих странах вспыхнули протесты из-за различных цифровых мандатов и экономических проблем. В качестве примера можно привести Нигерию, где агрессивная политика центрального банка по внедрению eNaira в 2023 году, включая постепенный отказ от старых денежных купюр для принудительного внедрения цифровых технологий, привела к нехватке наличных, гневу и уличным беспорядкам (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Банки подверглись атакам со стороны граждан, отчаянно нуждающихся в наличных деньгах, и по стране прокатилась волна беспорядков. Принятие eNaira в Нигерии возросло под этим давлением (с 0,5% до 6% населения), но не по свободному выбору — это произошло «из-за отчаяния в связи с нехваткой наличных денег, созданной правительством» (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Этот эпизод — предостерегающая история: навязывание цифровой валюты неподготовленному населению может привести к социальным потрясениям. Люди не реагируют доброжелательно, когда у них отнимают привычные деньги, особенно если цифровая замена не приносит им ощутимой выгоды и создает больше неудобств или слежки.

Такие результаты подрывают человеческое развитие. Общества лучше всего развиваются в условиях доверия, социальной сплоченности и инклюзивного роста. Неудачная или принудительная реализация CBDC может подорвать доверие к институтам (как это было в Нигерии, где многие пришли к выводу, что центральный банк был не в курсе событий или действовал недобросовестно) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Это может посеять разногласия — между теми, кто готов принять новую систему, и теми, кто сопротивляется (иногда это отображается на различиях между поколениями или городом и деревней). Это также может отвлечь от более насущных потребностей развития, поскольку политический капитал тратится на продвижение цифровой валюты, а не на решение основных экономических проблем. Например, если правительство преследует безналичную программу для ужесточения контроля, игнорируя при этом бедность или безработицу, это может фактически ухудшить эти условия, тем самым уменьшив человеческий капитал и потенциал.

Существуют также психологические и культурные измерения. Деньги — это не просто экономическая единица; они несут культурное и социальное значение. Для многих сообществ использование наличных связано с традициями дарения подарков, благотворительности или просто ощутимым доверием к обмену чем-то ценным. Внезапное требование совершать сделки только через одобренные правительством приложения может оттолкнуть эти культурные практики. Кроме того, жизнь под постоянным финансовым контролем может привить людям самоцензуру и стресс. Социологи давно заметили, что всепроникающее наблюдение приводит к тревоге и конформизму, а не к творчеству. Если люди чувствуют, что за ними постоянно следят в их экономической жизни, они могут перенести этот менталитет на другие сферы, что приведет к более сдержанному, не склонному к риску обществу. Человеческий потенциал процветает на свободе — свободе экспериментировать, терпеть неудачу, выражать себя, совершать сделки. Ограничение этой свободы цифровыми цепями может иметь долгосрочный подавляющий эффект на инновационный и гражданский дух людей.

Наконец, существует риск для общественного договора. В демократиях правительства правят по согласию, и политика устойчива только в том случае, если люди ее принимают. Навязывание CBDC с функциями, которые рассматриваются как репрессивные (например, отсутствие конфиденциальности, принудительное использование), может подорвать доверие общественности к правительству, что приведет к политической нестабильности или радикализации. В авторитарных государствах общественный договор часто неявно обменивает некоторую экономическую свободу на безопасность или национализм, но даже там загоняние населения в угол может иметь неприятные последствия. Широко распространенное недовольство CBDC, которая «запирает» общество, может спровоцировать беспорядки, которые режимы с трудом контролируют, что может привести к более жестким репрессиям (дальнейшим нарушениям прав человека) или, наоборот, к отступлению от политики. В любом случае общество испытывает потрясение, а не развитие.

Подводя итог, если CBDC не будут тщательно разработаны с учетом прав человека, они могут нанести вред общественному развитию, подрывая экономическую свободу, искореняя неформальные системы поддержки, расширяя цифровое неравенство и разрушая доверие и социальную сплоченность. Любые достижения в эффективности или налоговых поступлениях могут быть компенсированы потерями в социальной стабильности и благосостоянии людей. С точки зрения человеческого развития мерой валютной системы должно быть то, как она расширяет возможности людей, а не то, как она их ограничивает. CBDC, которая становится инструментом контроля, расширит возможности только государства за счет общества, препятствуя формированию «высокого человеческого потенциала», который процветает в свободных и открытых условиях.

Угрозы национальному суверенитету и управлению

Другим критическим аспектом CBDC является их влияние на национальный суверенитет и структуру управления. Центральные банки являются эмитентами CBDC, но во многих странах центральные банки действуют с высокой степенью независимости от избранных правительств. Эта независимость традиционно защищает денежно-кредитную политику от краткосрочного политического давления, но это также означает, что решения CBDC могут приниматься с ограниченным демократическим участием. Более того, продвижение CBDC часто носит транснациональный характер и координируется такими органами, как Банк международных расчетов, Международный валютный фонд (МВФ) или даже такими форумами, как G20 и Всемирный экономический форум. Это вызывает опасения, что национальные цифровые валюты могут стать средством глобального «теневого» управления неизбираемыми элитами, размывая суверенитет отдельных государств и их народов.

В России этот вопрос находится на переднем плане. Центральный банк России (ЦБР) формально независим от правительства. Критики в российском обществе, особенно среди консервативных и националистических кругов, давно подозревают, что ЦБР больше ориентируется на мировые финансовые интересы, чем на национальные приоритеты. Быстрое введение цифрового рубля усилило эти подозрения. В провокационной статье издания «Царьград» утверждается, что «цифровой рубль задушит Россию», и утверждается, что его внедрение является лишь «звеном в многогранной подготовке планеты к установлению глобалистского либерального порядка» (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Эта риторика, хотя и полемическая, воплощает страх, что суверенитет России может быть подорван глобальными силами, использующими цифровую валюту как троянского коня. Статья предупреждает, что глобальный центр власти (подразумевается, что он находится на Западе, «не в Европе, а за рубежом») может в конечном итоге взять под контроль рычаги российской цифровой валютной системы (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) – по сути, «российские граждане [стали бы] частью мирового электронного концлагеря, начальник которого сидит за границей» (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Статья в «Царьграде» даже ставит под сомнение лояльность центрального банка, предполагая, что если ЦБ РФ слепо следует мировым тенденциям, то он «либо не понимает, что происходит в мире и что делает Россия, либо сознательно сотрудничает с глобалистами в построении мирового электронного лагеря» (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию).

Если отбросить драматический язык, то основной момент — это законная проблема управления: кто контролирует контролеров? Если центральный банк внедряет CBDC с широкими функциями контроля, и если этот центральный банк не полностью подотчетен общественности или правительству, то фактически невыборный орган (или даже отдельное должностное лицо, например, глава центрального банка) получает огромную власть над обществом. В случае с Россией это привело к призывам реформировать или «изменить» сам Центральный банк (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) перед тем, как доверить ему цифровой рубль, который мог бы «заблокировать» экономику страны. Сценарий перенапряжения центрального банка не является уникальным для России; он обсуждается во многих странах. В Соединенных Штатах исследование Федеральной резервной системой цифрового доллара вызвало вопросы в Конгрессе о том, следует ли осуществлять такой проект без явного законодательного разрешения. Законодатели внесли законопроекты, гарантирующие, что ни одна CBDC не может быть выпущена без надлежащего надзора, ссылаясь на опасения по поводу посягательства ФРС (независимой организации) на права американцев (Какова позиция Трампа и Байдена по CBDC | Cato at Liberty Blog). Таким образом, баланс между автономией центрального банка и демократическим контролем является ключевым вопросом суверенитета: CBDC усиливает этот баланс, поскольку она распространяет влияние центрального банка с денежно-кредитной политики высокого уровня на детали повседневной финансовой жизни.

На международном уровне координация между центральными банками может непреднамеренно создать фактический глобальный валютный режим, потенциально подрывая валютный суверенитет отдельных стран. МВФ и БМР активно поощряют разработку CBDC, обмениваются передовым опытом и даже рассматривают стандарты взаимодействия между цифровыми валютами разных стран. Хотя техническое сотрудничество само по себе не является плохим, более мелкие или экономически слабые государства могут ощущать давление с целью принятия определенных стандартов или политик CBDC, установленных более крупными державами или международными институтами. Например, стране в программе МВФ может быть рекомендовано развернуть CBDC для повышения прозрачности и сбора налогов, фактически приведя ее в соответствие с глобальной тенденцией, возможно, вопреки желанию ее граждан. Если большинство стран примут CBDC с похожей архитектурой (например, требуя идентификации пользователя и обмена данными для борьбы с отмыванием денег), это создаст единую сеть финансового надзора, которая выходит за рамки границ. В такой сети иностранным субъектам может быть проще вводить финансовые санкции или меры контроля. Можно представить, например, глобальный черный список определенных лиц или организаций, так что любая система CBDC – будь то в США, ЕС или где-либо еще – автоматически заморозит их. Это может помочь международному правоприменению против преступников, но также может быть использовано в геополитических целях. Могущественная страна или альянс потенциально могли бы обеспечить соблюдение своих финансовых норм в глобальном масштабе посредством взаимодействия CBDC – тревожная перспектива для стран, желающих проложить независимые пути.

Национальный суверенитет также подвергается риску зависимости от поставщиков технологий. Не каждый центральный банк имеет возможность разработать безопасную CBDC с нуля. Многие будут полагаться на многонациональные технологические компании или иностранных консультантов. Если основная инфраструктура или программное обеспечение CBDC страны создается внешней организацией, это потенциальная уязвимость суверенитета. Это может означать наличие бэкдоров в системе или просто неспособность полностью понять и контролировать платформу. Представьте себе сценарий, когда сеть CBDC страны выходит из строя или скомпрометирована, и они должны обратиться к иностранной технологической фирме, чтобы восстановить ее — зависимость очевидна. Еще более тревожно, если враждебному субъекту удастся проникнуть в инфраструктуру CBDC (посредством кибершпионажа) — они могут манипулировать или собирать данные обо всей экономике другой страны. Традиционную валюту нельзя взломать таким образом; цифровую валюту можно. Таким образом, кибербезопасность становится проблемой национальной безопасности с CBDC. Денежный суверенитет страны может оказаться под угрозой, если другое государство или негосударственный субъект сможет нарушить функционирование ее цифровой валюты.

С другой стороны, некоторые авторитарные правительства могут рассматривать CBDC как усиление государственного суверенитета по отношению к своим гражданам – по сути, как подтверждение доминирования государства. Язык лидеров иногда намекает на почти государственного выживания мотивы: например, глава центрального банка Нигерии заявил, что «цель – достичь 100% безналичной экономики» и что это выбор, который сделало правительство, даже если это не выбор народа (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Здесь суверенитет трактуется как право государства в одностороннем порядке навязывать экономические правила. Но такой подход рискует смешать власть режима с суверенитетом нации. Истинный суверенитет в демократическом смысле принадлежит народу; если народ принуждается и его права попираются, суверенитет нации пуст — он становится авторитарным суверенитетом, который часто оказывается хрупким. В России комментаторы указали на иронию того, что в то время как российские солдаты сражаются на поле боя за «многополярный мир» против западного господства, финансовые власти внутри страны могут заковать Россию в «глобальный электронный лагерь», управляемый теми же западными (или глобалистскими) элитами (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Это подчеркивает парадокс суверенитета: страна может политически сопротивляться внешнему влиянию, однако система CBDC (особенно если она смоделирована по образцу внешних систем или совместима с ними) может внутренне навязать аналогичный вид контроля сверху вниз, о котором мечтают мировые автократы. Если каждая страна примет один и тот же шаблон CBDC, дружественного к надзору, вряд ли будет иметь значение, был ли это глобальный заговор или параллельное развитие — результатом может стать всемирная финансовая контрольная сеть, в которой каждое национальное отделение будет работать согласованно, по совпадению или по координации.

Демократический надзор и верховенство законадолжны догнать эти разработки. Чтобы защитить суверенитет, который в конечном итоге принадлежит гражданам, любой шаг к CBDC должен включать публичные дебаты, четкие правовые ограничения на то, как могут использоваться данные, и надежную защиту от злоупотреблений. В противном случае введение CBDC может обойти обычные сдержки и противовесы. Есть прецедент, когда технологии внедрялись быстрее, чем принимались законы (вспомним социальные сети и конфиденциальность данных или массовую слежку после 11 сентября). С помощью CBDC некоторые страны пытаются упредить проблемы — например, в США администрация Трампа заняла жесткую позицию против цифрового доллара именно из-за беспокойства об американских свободах и суверенитете. В январе 2025 года президент Дональд Трамп издал указ, запрещающий создание CBDC США федеральными агентствами (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Этот необычный шаг, сделавший США единственной крупной экономикой, официально запретившей CBDC, был направлен на предотвращение того, что Трамп и его сторонники считали инструментом для превышения полномочий правительства и потенциальной тирании (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Критики утверждали, что это уступило место Китаю и другим странам в установлении будущих стандартов (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters), но администрация оправдывала это необходимостью остановить «цифровой доллар», который мог бы позволить правительству шпионить (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). «Цифровая валюта Центрального банка Байдена направлена на усиление государственного контроля над финансами людей, и мы этого не допустим», — заявил губернатор ДеСантис в поддержку запрета, назвав его защитой от «корыстных элит», которые «покусятся на нашу свободу» (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Это отражает одно из представлений о суверенитете: демократическое общество, которое решает отказаться от потенциально опасной технологии, чтобы сохранить свободу своих граждан, — даже если это означает отклонение от мировых денежных тенденций.

Однако другие режимы приняли CBDC, чтобы ужесточить свою внутреннюю хватку, суверенитет понимается как государственный контроль. Китай продвигается вперед и даже стремится

интернационализировать свой e-CNY (например, используя его для трансграничных транзакций, возможно, чтобы ослабить доминирование доллара США на международном уровне). Для Китая CBDC является как инструментом внутреннего контроля, так и геополитическим инструментом. Если его модель распространится (например, через его партнерства в рамках инициативы «Один пояс, один путь» или если китайская технологическая инфраструктура для CBDC будет экспортирована в другие страны), это может создать сферу влияния, в которой будут применяться определенные Китаем правила. Мир может увидеть разделенный валютный порядок: один блок стран, придерживающихся западной точки зрения, подчеркивающей конфиденциальность и свободу (если эта точка зрения возобладает на практике), и другой, придерживающийся китайской точки зрения на государственный контроль и мониторинг, — и многие окажутся между ними. Национальные правительства, находящиеся посередине, могут столкнуться с давлением с обеих сторон, но также и со стороны своего собственного населения.

В заключение следует отметить, что CBDC бросают вызов традиционным представлениям о суверенитете и управлении, расширяя полномочия центральных банков и потенциально внешних субъектов за счет выборных институтов и контроля граждан. Опасность двоякая: внутренняя — концентрация власти в институтах, которые напрямую не подотчетны народу; и внешняя — большая уязвимость к глобальному вмешательству или конформизму в отношении глобальных стандартов, которые могут не соответствовать местным демократическим потребностям. Повторяющейся темой критиков является страх перед «теневыми элитами», определяющими повестку дня. Хотя часть этого скатывается к заговору, неоспоримо, что решения о CBDC часто принимаются в узких кругах центральных банкиров и технократов, а не путем народного обсуждения. Ради сохранения истинного национального суверенитета, который включает суверенитет свободного народа над своей жизнью, крайне важно, чтобы планы CBDC подвергались общественному контролю, и чтобы любая реализация уважала конституционные и правозащитные ограничения государственной власти. В противном случае страны рискуют стать жертвами того, что было названо новой формой «цифрового колониализма», будь то со стороны их собственных центральных банков или международного технократического консенсуса, в результате чего граждане останутся без права голоса.

Последствия для демократии и основных свобод

Появление цифровых валют центральных банков может повлиять не только на индивидуальные права и национальный суверенитет, но и на сами основы демократического общества. В здоровой демократии власть правительства ограничена законом, и граждане имеют защищенные пространства, в которых они могут осуществлять свободы — говорить, организовываться, выражать несогласие, исповедовать свои убеждения и менять свое правительство посредством выборов. Финансовая свобода лежит в основе многих из этих свобод: учтите, что свободные выборы требуют от доноров и активистов финансовой поддержки кандидатов или дел; свобода слова часто опирается на независимые СМИ, которым необходимо финансирование; свобода передвижения зависит от покупки средств для путешествий; даже свобода вероисповедания может включать пожертвования церкви или благотворительной организации. Если правительство может отслеживать и контролировать все финансовые транзакции, оно получает мощный рычаг для влияния или прямого воспрепятствования этим гражданским свободам.

Одной из непосредственных проблем является сдерживающий эффект для политической оппозиции и гражданского общества. Авторитарные режимы давно используют финансовые репрессии против оппонентов — замораживают банковские счета НПО, отказывают в кредитах или контрактах критикам режима или используют налоговые органы для преследования инакомыслящих. CBDC усилит эту тактику. Поскольку она обеспечивает детальную видимость каждого экономического взаимодействия, она может раскрыть сети, которые поддерживают оппозиционные движения. Например, если оппозиционный политик в стране начинает собирать базу поддержки, система CBDC может позволить властям увидеть, кто вносит средства этому политику, а затем тихо оказывать давление или наказывать этих сторонников (возможно, ограничивая их деловые операции или отмечая их для аудита). Зная это, граждане могут опасаться делать пожертвования или даже связываться с оппозиционными группами, ослабляя плюрализм. Это не спекуляция — такие

закономерности наблюдались в существующих финансовых системах, но CBDC значительно упростят наблюдение. Даже в демократических странах существует потенциал для злоупотреблений: будущий недобросовестный лидер может потребовать от центрального банка предоставить данные о транзакциях журналистов или политических соперников. При наличии юридических проверок этому можно было бы воспрепятствовать, но само существование всеобъемлющего массива финансовых данных является соблазном для злоупотребления властью.

Кроме того, свобода прессы и выражения мнений может быть косвенно подорвана. Независимые СМИ часто полагаются на подписку или пожертвования. В сценарии, когда государство может контролировать, кто платит диссидентскому журналистскому изданию, риску подвергаются и журналист, и подписчики. На ум приходят исторические случаи, такие как WikiLeaks — в 2010 году внесудебное давление заставило крупные платежные системы прекратить пожертвования WikiLeaks, ограничив его деятельность. С CBDC такая финансовая цензура может произойти с помощью телефонного звонка министра правительства в центральный банк — или даже автоматически с помощью алгоритмов, которые отмечают «нежелательных» получателей. Демократия требует рынка идей, где можно услышать несогласные голоса; CBDC, если их неправильно использовать, предоставляют способ заставить голоса замолчать, лишая их ресурсов. Как предупреждают аналитики Cato Institute, CBDC может предоставить «бесчисленные возможности правительству контролировать финансовую деятельность граждан», что потенциально может стать «крупнейшим посягательством на финансовую конфиденциальность» и, как следствие, на гражданские свободы, связанные с этой конфиденциальностью (Риски CBDC | Cato Institute) (Риски CBDC | Cato Institute).

Демократическое управление само по себе может оказаться под угрозой, если CBDC будут способствовать системным злоупотреблениям. Рассмотрим принцип свободных и справедливых выборов. Что, если правящие партии будут использовать данные CBDC для профилирования и таргетирования колеблющихся избирателей с помощью специально подобранных экономических стимулов или угроз? Например, правительство может определить демографическую группу, которая испытывает финансовые трудности (информация, полученная из моделей расходов), и непосредственно перед выборами отправить целевой стимул в виде цифровых денег в кошельки этих избирателей — современная форма покупки голосов или влияния, с которой оппозиция не может сравниться. Или, что еще мрачнее, определить районы, которые голосуют за оппозицию, и спроектировать «технические сбои», которые временно заморозят их доступ к средствам в день выборов, нарушив транспорт или мобилизационные усилия. Эти сценарии могут показаться экстремальными, но инструменты будут существовать. По сути, контроль над CBDC может дать политическое преимущество тем, кто находится у власти, нарушая равные условия, требуемые демократией.

Даже за пределами открытого авторитарного насилия постепенная нормализация наблюдения и контроля может изменить отношения гражданина и государства. Граждане могут самоцензурировать не только свои расходы, но и свою деятельность, избегая законного демократического участия, потому что они чувствуют, что за ними наблюдают. Демократия процветает на доверии — доверии граждан к тому, что они могут участвовать в политике без неоправданных репрессий, и доверии к институтам вести себя прозрачно и ответственно. Если введение CBDC воспринимается как нарушение доверия (шаг к оруэлловскому государству), это может подпитывать апатию или радикализм. Некоторые граждане могут отстраниться («выйти» из формальной экономики или политической жизни, чтобы не привлекать внимания), в то время как другие могут тяготеть к экстремистским группам, поскольку их вера в свободное демократическое будущее ослабевает. Социальная сплоченность может ухудшиться в таких условиях.

На философском уровне демократия основана на согласии управляемых. Согласие имеет смысл только тогда, когда у людей есть подлинный выбор и сфера автономии. Система тотального финансового контроля противоречит духу демократии, поскольку она наделяет власти непропорциональной властью. Она относится к гражданам не как к автономным агентам, а как к субъектам, которыми нужно управлять. Один российский комментатор описал цифровой рубль как способ приблизить граждан «как никогда близко к воротам глобального электронного ГУЛАГа»

(Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) – ссылаясь на потерю личной свободы, напоминающую о тоталитарных эпохах. Хотя такие аналогии драматичны, они передают воспринимаемую несовместимость всеконтролирующего CBDC со свободным обществом. В демократии верховенство закона защищает меньшинства и непопулярные взгляды; однако в случае CBDC законы могут быть скрытно или открыто разработаны для того, чтобы нацеливаться на финансовые линии жизни этих же групп.

У нас есть современное предупреждение из периода пандемии: во многих странах чрезвычайные меры, используемые для борьбы с COVID-19, в конечном итоге подрывали демократические нормы. Правительства «злоупотребляли чрезвычайными полномочиями, использовали COVID-19 как предлог для подавления политических протестов и задержки выборов», как это задокументировали наблюдатели за соблюдением прав человека (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). В некоторых случаях цифровые инструменты (например, приложения для наблюдения) использовались для мониторинга и ограничения критиков (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Эти действия часто предпринимались в атмосфере страха и представлялись необходимыми. Если возникнет еще один глобальный кризис — скажем, чрезвычайная ситуация, связанная с климатом, или серьезная угроза безопасности — готовность инфраструктуры CBDC может побудить правительства к развертыванию финансового контроля в рамках чрезвычайного положения. Демократический надзор имеет тенденцию ослабевать в затяжных чрезвычайных ситуациях, а в случае с CBDC ослабление может быть направлено на экономическое агентство, которое поддерживает сопротивление. Модель стран, двигающихся «в ногу» во время COVID-19 (часто одновременно вводящих аналогичные ограничения под руководством международных органов здравоохранения), показывает, как быстро де-факто единая политика может охватить весь мир (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Скоординированное развертывание ограничительных функций CBDC во время будущей чрезвычайной ситуации не является немыслимым. Вот почему гражданские либертарианцы подчеркивают необходимость создания правовых брандмауэров уже сейчас — например, законов, которые категорически запрещают использование CBDC для нарушения таких прав, как свобода объединений, или для дискриминации по политическим мотивам.

С положительной стороны, некоторые демократии действительно предпринимают шаги для предотвращения злоупотреблений. Соединенные Штаты, как уже упоминалось, имеют элементы своего руководства, решительно выступающие против розничной CBDC именно для защиты свобод (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Европейский союз провел публичные консультации, чтобы оценить обеспокоенность граждан по поводу конфиденциальности цифрового евро, и некоторые европейские законодатели настаивают на том, что если появится цифровой евро, он должен иметь офлайновые, анонимные возможности, подобные наличным деньгам (хотя еще предстоит увидеть, будет ли это реализовано). Эти дебаты сами по себе являются здоровыми признаками демократического процесса. Они указывают на то, что если CBDC будут приняты в демократиях, они, скорее всего, будут поставляться с по крайней мере номинальными гарантиями. Однако эффективность этих гарантий потребует постоянной бдительности. Гораздо проще предотвратить создание режима наблюдения, чем демонтировать его постфактум.

В хрупких или гибридных демократиях риск более острый. Страны, в которых есть как демократические институты, так и авторитарные тенденции (например, некоторые страны Азии, Африки или Латинской Америки), могут еще больше скатиться к авторитаризму с появлением CBDC просто потому, что инструмент контроля становится доступным. Между тем, для откровенно авторитарных государств CBDC могут фактически гарантировать, что переход к демократии станет сложнее — гораздо сложнее организовать какую-либо демократическую революцию, когда правительство может «отключить» доступ революционеров к деньгам или отследить каждого организатора. В этом смысле CBDC могут способствовать отступлению демократии во всем мире, усиливая автократические сопротивления и создавая новые проблемы для движений за свободу.

В конечном итоге будущее демократии в цифровую эпоху будет зависеть от сохранения пространств свободы, в которые технологии не проникают с контролем. Так же, как бурно ведутся дебаты о шифровании, конфиденциальности в Интернете и свободе информации, сфера денег теперь является линией фронта в борьбе за свободу. Основной нарратив — о том, что CBDC рискуют привести к «цифровому рабству» — по сути, является предупреждением о том, что мы не должны позволять нашим деньгам становиться инструментом для нашего порабощения. Демократия — это антитеза рабства; это коллективное самоопределение. Если CBDC структурированы таким образом, что граждане теряют самоопределение в экономической жизни, то политическое самоопределение, скорее всего, также исчезнет.

Глобальные исследования: США, Россия, Китай и другие страны

Чтобы сопоставить вышеприведенный анализ с реальным контекстом, мы обратимся к нескольким ключевым тематическим исследованиям и региональным событиям, изучая, как различные правительства подходят к CBDC и что это означает для прав и свобод.

Соединенные Штаты: свобода прежде всего или отставание?

Соединенные Штаты заняли осторожную (некоторые сказали бы скептическую) позицию в отношении CBDC, на которую сильно повлияли опасения по поводу конфиденциальности и свободы. В 2022–2023 годах Федеральная резервная система США проводила исследования и публичную разъяснительную работу по потенциальному цифровому доллару, но не приняла решения о продолжении работы, прямо заявив, что не будет двигаться вперед без законодательной поддержки. Конфиденциальность неоднократно подчеркивалась как главная проблема в отчетах ФРС и публичных комментариях. Это привело к драматическому повороту событий, когда президент Дональд Трамп незадолго до окончания своего срока (и во время своей кампании по возвращению в офис в 2024 году) издал в январе 2025 года указ, запрещающий разработку розничного «цифрового доллара» (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). В постановлении отражено мнение о том, что CBDC будет представлять неприемлемые риски для финансовой конфиденциальности американцев и может привести к государственному надзору за транзакциями граждан (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Как сообщило агентство Reuters, этот «быстрый шаг по запрету цифрового доллара» сделал США изгоем — по сути, выбывшими из глобальной гонки, в которой участвовало более 100 стран (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters).

Сторонники запрета Трампа увидели в нем победу индивидуальной свободы и восстановление конституционных ценностей (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Они утверждают, что Америка, основанная на идеалах ограниченного правительства и личной свободы, не должна создавать инфраструктуру для потенциальной финансовой тирании. Правительство штата Флорида во главе с губернатором ДеСантисом отразило эту позицию на уровне штата: в мае 2023 года Флорида приняла закон, запрещающий использование любых CBDC (выпущенных в США или иностранных) в качестве денег в штате (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Закон был сформулирован явно как защита «от государственного надзора за личными финансами» (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). Чиновники Флориды сослались на опасения по поводу «всемирной цифровой валюты», продвигаемой «глобалистскими усилиями», ясно дав понять, что они рассматривают CBDC как угрозу как конфиденциальности, так и суверенитету США (Губернатор Рон ДеСантис подписывает

первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). «CBDC Байдена» описывалось как нечто, что будет «использовано в качестве оружия» для контроля над людьми, и Флорида провела против него «линию на песке» (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора). С тех пор несколько других штатов США рассмотрели или приняли аналогичные законопроекты, запрещающие местное признание CBDC, что отражает широкое недоверие, особенно среди консерваторов.

Однако эта позиция не лишена противоречий. Некоторые экономисты опасаются, что, воздержавшись от развития CBDC, США могут потерять влияние на мировые финансовые стандарты, фактически позволив Китаю и другим устанавливать нормы (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). В политике США также есть раскол: администрация Байдена (2021–2024) фактически начала изучать CBDC с прицелом на «ответственное развитие» (указ президента от 2022 года предписывал федеральным агентствам оценить последствия цифрового доллара). Лагерь Байдена подчеркивал, что любая CBDC должна включать конфиденциальность и безопасность по умолчанию, но они видели потенциальные преимущества, такие как более быстрые трансграничные платежи и финансовая инклюзивность для небанковских лиц. Эта разница в подходе — исследовательская открытость Байдена против прямого запрета Трампа — подчеркивает, как этот вопрос уникальным образом пересекает партийные линии. Группы по защите гражданских свобод, такие как ACLU, также высказались, в целом настаивая на том, что любая CBDC должна иметь надежные гарантии конфиденциальности, подобные наличным деньгам, в противном случае ей следует противостоять. В американском дискурсе CBDC часто называют «долларом надзора» или противопоставляют децентрализованным криптовалютам (которые энтузиасты рассматривают как альтернативы, сохраняющие свободу).

По состоянию на начало 2025 года, когда Трамп вернется в офис (как следует из хронологии Reuters) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters), федеральная позиция США решительно против CBDC. США фактически отдают приоритет основным свободам над привлекательностью государственной цифровой валюты, по крайней мере, на данный момент. Это отличает США от других стран и станет захватывающим экспериментом: смогут ли существующие электронные платежные системы и регулируемые частные банки предоставить преимущества, которые, по утверждениям других, требуют CBDC, не нарушая при этом прав? Чиновники США часто отмечают, что американцы уже пользуются быстрыми цифровыми платежами (через частные приложения или карты) и что сила доллара в настоящее время не зависит от наличия цифровой версии, выпущенной ФРС. Критики CBDC в США также отмечают, что какие бы предельные выгоды ни существовали, они значительно перевешиваются рисками для Первой и Четвертой поправок (свобода слова/ассоциаций и свобода от необоснованных обысков). Они приводят такие примеры, как утечки данных частных налогоплательщиков IRS (налоговым органом) или массовые разоблачения слежки разведывательных агентств, как причины не создавать еще одну огромную ловушку для данных.

Подводя итог, можно сказать, что случай США иллюстрирует демократию, активно борющуюся с компромиссом между инновациями и свободой. Американский подход — особенно при таких лидерах, как Трамп и некоторых губернаторах штатов — заключается в том, чтобы ошибаться в сторону свободы, даже если это означает замедление марша финансовых технологий. Это может сохранить основные права внутри страны (никакого неминуемого «цифрового рабства» через валюту в США), но это также поднимает вопросы: будут ли США иметь меньше права голоса в том, как цифровые валюты развиваются в глобальном масштабе, и может ли это в конечном итоге обернуться бумерангом (например, если CBDC других стран бросят вызов превосходству доллара в международной торговле)? Соединенные Штаты фактически проводят «оценку воздействия на

права» в режиме реального времени и действуют на основе вывода о том, что риски перевешивают выгоды на данный момент.

Россия: переход на цифровой рубль на фоне предупреждений

Россия представляет собой контрастный случай: ее руководство продвигается вперед с CBDC (цифровым рублем), даже несмотря на то, что активные сегменты общества и экспертное сообщество предупреждают о тяжелых последствиях для свобод и даже для суверенитета России. Центральный банк России инициировал проект цифрового рубля в 2020 году, пилотировал его в 2022 году, а к 2023 году законодательство, разрешающее его, было проведено через Государственную Думу (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Официальное обоснование, данное ЦБ РФ и правительством, заключается в модернизации платежной системы России, снижении зависимости от наличных денег (особенно в теневой экономике) и, возможно, в обходе международных санкций путем разработки альтернативных платежных путей. Цифровой рубль представлен как нейтральный инструмент, позволяющий сделать транзакции более удобными и безопасными — с возможностью офлайн-операций, низкими (или нулевыми) комиссиями за переводы и интеграцией во все банковские приложения (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). Власти настаивают на том, что он будет дополнять, а не заменять наличные деньги и традиционные электронные деньги (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег). Они также подчеркивают потенциальные преимущества, такие как предотвращение коррупции: например, бюджетные ассигнования в цифровых рублях можно отслеживать, чтобы убедиться, что они потрачены по назначению (больше никаких хищений денег, предназначенных «на ремонт школы в Саратове», как было одно из объяснений, поскольку можно отследить использование каждого рубля (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем)). Эти аргументы апеллируют к населению, уставшему от коррупции и неэффективности, подразумевая, что цифровой рубль может обеспечить большую ответственность чиновников и, возможно, большую макроэкономическую стабильность.

Однако российские экономисты, журналисты и политики, не поддерживающие проправительственную линию, подняли множество тревог. Как подробно описывалось ранее, они опасаются, что цифровой рубль приведет к тотальному наблюдению и контролю в стране, которая и так склоняется к авторитаризму. Они беспокоятся, что это подорвет то немногое финансовое уединение, которым обладают россияне, и может быть использовано для подавления инакомыслия или просто для давления на граждан (например, автоматически вычитая штрафы, налоги или даже налагая отрицательные проценты). Фраза «цифровой концлагерь» («цифровой концентрационный лагерь») в частности использовалась некоторыми комментаторами (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию), отражая сильную инстинктивную реакцию, что это шаг к необратимой потере свободы. Важно отметить, что такие формулировки в России часто исходят от националистических или консервативных голосов, которые не доверяют либеральным наклонностям центрального банка. Они видят в ЦБР, по сути, часть глобальной технократической элиты, а не слугу российского народа (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Таким образом, дебаты по CBDC в России переплетаются с более широкой борьбой за власть: центральный банк против политиков-популистов, глобалистские и суверенные мировоззрения, народ против бюрократии.

Один конкретный риск, который поднимается, — это потенциальные экономические последствия для рядовых россиян. Цифровой рубль может нарушить банковский сектор — если люди конвертируют много банковских депозитов в цифровые рубли (хранящиеся в центральном банке), у коммерческих банков может быть меньше средств для кредитования, что потенциально снижает доступность кредитов или повышает процентные ставки. ЦБ РФ возражает, что он ограничит конвертацию, если это необходимо, и что он не намерен навредить банкам. Еще одна проблема: что произойдет в следующем кризисе? Экономика России сталкивается с периодическими потрясениями (падение цен на нефть, санкции и т. д.). В прошлые кризисы, как уже отмечалось, россияне увеличивали использование наличных денег и неформальной экономики, чтобы выжить (Четыре

главных мировых блокады рубля - Ведомости). Если в следующий раз все деньги будут цифровыми и будут контролироваться, люди опасаются, что у них не будет такой гибкости — государство может вместо этого ввести жесткую экономию для граждан, заморозив определенные транзакции или даже применив «стрижки» к сбережениям (кошмарный сценарий, когда банк просто вычитает процент из цифровых кошельков каждого, чтобы стабилизировать систему). Доверие к рублю уже является деликатным вопросом из-за инфляционной истории; неуклюжее внедрение цифрового рубля может, по иронии судьбы, заставить больше людей искать убежища в иностранных валютах или криптовалютах, если они доступны.

Несмотря на эти оговорки, российское правительство, похоже, настроено решительно. Вероятно, оно рассчитывает, что выгоды от контроля для государства перевешивают недовольство скептиков. Политический климат России при президенте Путине не ставит индивидуальные свободы в приоритет, а публичные протесты ограничены (особенно после того, как война на Украине привела к более жестким репрессиям). Тем не менее, не следует недооценивать изобретательность россиян в преодолении трудностей. Если цифровой рубль станет слишком ограничительным, мы можем увидеть рост подпольных финансовых бирж — действительно, российские эксперты предсказывают, что «появятся структуры, которые будут обменивать «цифру» на «наличные» и выполнять секретные переводы, чтобы избежать отслеживания», сродни криптовалютным миксерам, за комиссию (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем). По сути, может расцвести новый черный рынок конфиденциальности, который может принести свои собственные проблемы с преступностью. Это говорит о том, что слишком сильное заталкивание населения в угол может привести к непредвиденным последствиям (так называемый «эффект воздушного шара», сжимаешь одну область, и незаконная деятельность всплывает в другом месте).

Что касается суверенитета, российский центральный банк утверждает, что цифровой рубль его усиливает — снижая зависимость от долларовой системы и платежных сетей, таких как SWIFT (важно в условиях санкций). Однако, как уже упоминалось, критики опасаются противоположного эффекта: он запирает Россию в глобальной цифровой контрольной сети. Правда может заключаться в том, как Россия это реализует. Если Россия объединится с Китаем или партнерами по БРИКС для создания трансграничной цифровой валютной сети, она может попытаться построить альтернативную сферу влияния. Но с технологической точки зрения Россия не является лидером в области финтеха; она может в конечном итоге использовать платформы или стандарты, разработанные за рубежом. Если они будут иметь бэкдоры или давление (например, соответствие международным правилам прозрачности, которые передают данные в мировые органы), Россия действительно может потерять некоторую денежную автономию. Кроме того, если цифровой рубль не сможет завоевать доверие внутри страны, экономика России может еще больше неофициально долларизироваться (люди держат доллары или криптовалюту). Такой результат ослабит государственный суверенитет, поскольку рубль потеряет актуальность.

Подводя итог, можно сказать, что Россия продвигается вперед с CBDC в контексте относительно слабых институциональных проверок и значительного общественного скептицизма (по крайней мере, среди информированной общественности). Вероятным результатом в ближайшей перспективе является то, что цифровой рубль будет вводиться постепенно — возможно, сначала как опциональный — и правительство будет преуменьшать аспекты контроля, подчеркивая удобство и патриотизм (использование разработанной в России валюты и т. д.). Со временем функции контроля могут появиться. Многое будет зависеть от того, насколько пассивным или сопротивляющимся будет российское общество. Учитывая репрессивный климат, открытое сопротивление маловероятно; вместо этого адаптация и стратегии обхода могут быть формой «сопротивления». С точки зрения прав человека случай России вызывает беспокойство: он может стать масштабным экспериментом по тому, как современная цифровая автократия управляет своим населением с помощью денег. Мир должен внимательно следить, потому что тактика, проверенная в одной авторитарной обстановке, может быть экспортирована в другие.

Китай и Восточная Азия: прототип цифрового авторитаризма

Цифровой юань Китая (e-CNY) является самым передовым крупным проектом CBDC в мире и часто рассматривается как прототип того, как авторитарное правительство может использовать цифровую валюту. Мотивы Китая для e-CNY включают в себя ужесточение контроля государства над быстро оцифровывающейся экономикой, ограничение влияния частных технологий (таких как AliPay и WeChat Pay, которые доминировали в мобильных платежах), улучшение инструментов денежно-кредитной политики и интернационализацию юаня. Но в основе всего этого лежит фундаментальная цель Коммунистической партии Китая: сохранение контроля. Как заметил глава BIS Карстенс, центральные банки выпускают CBDC отчасти потому, что они «не знают, кто сегодня пользуется наличными» (Риски CBDC | Cato Institute) и хотят большего контроля — в случае Китая это согласуется со стремлением правительства к всезнанию в управлении. E-CNY полностью интегрирован с национальной системой цифровой идентификации Китая; пользователи должны привязывать кошельки к своим личностям (хотя есть уровни для небольших сумм, которые допускают некоторую псевдонимность). Он также интегрирован с существующей государственной инфраструктурой наблюдения Китая (камеры, мониторинг социальных сетей и т. д.). Например, в Синьцзяне, где миллионы уйгуров находятся под наблюдением, отчеты указывают на то, что власти планируют проводить все транзакции через e-CNY для отслеживания любых «подозрительных» расходов мусульманского меньшинства (например, покупки больших объемов продуктов питания, что в прошлом вызывало обвинения в накоплении запасов и потенциальном терроризме).

Особенности e-CNY, которые вызывают опасения по поводу прав человека, включают: возможность устанавливать ограничения или квоты на транзакции (каждый кошелек может иметь правила, например, не более X юаней в день или разрешены только определенным торговцам); программируемое истечение срока действия (тестировалось в пилотных программах для стимулирования расходов — по сути, деньги, которые исчезают, если не используются, что, как отмечают критики, также может использоваться для предотвращения сбережений или наказания путем признания валюты недействительной) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем); и отслеживание Народным банком Китая (НБК) всех потоков в режиме реального времени. Китайские чиновники несколько эвфемистически заявили, что e-CNY обеспечивает «контролируемую анонимность» — то есть пользователи могут быть анонимны друг для друга, но не для правительства. На практике это противоположно анонимности с точки зрения прав. В сочетании с китайской системой социального кредита — которая уже наказывала людей, ограничивая их доступ к поездам, самолетам, роскошным отелям и т. д. — цифровая валюта может распространить наказания буквально на кошелек в кармане. Вполне возможно, что в будущем гражданин Китая с низким социальным кредитным рейтингом может обнаружить, что его цифровой юань работает только в пределах его домашнего округа (ограничивая передвижение), или не может быть использован для покупки билетов на самолет, или облагается более высокими сборами. Хотя такие виды использования официально не были объявлены, технологические возможности будут там и соответствуют стилю управления КПК по «дисциплинированию» граждан.

Другие страны Азии внимательно наблюдают за Китаем. Некоторые, например, Гонконг (полуавтономный регион Китая), запустили собственные пилотные проекты, даже подключившись к e-CNY для трансграничного использования. Автономия Гонконга ослабевает, и активисты опасаются, что принятие e-CNY там может еще больше подорвать свободы жителей Гонконга, фактически распространив финансовый надзор Пекина на эту территорию. Напротив, такие демократии, как Япония и Южная Корея, тестируют CBDC, но дали понять, что не будут внедрять ничего, что ставит под угрозу конфиденциальность. Япония, например, подчеркнула, что наличные будут оставаться доступными до тех пор, пока люди этого хотят, и что любой цифровой иене потребуется общественное доверие. В Южной Корее существует общественная настороженность из-за прошлых скандалов, связанных с финансовой конфиденциальностью. Тем не менее, эти страны также ощущают конкурентное давление — если цифровой юань Китая станет широко использоваться в регионе (например, туристами или в торговле), они могут принять аналогичную технологию, чтобы не отставать, надеемся, без авторитарных атрибутов.

Примечательным случаем является Индия, которая, хотя и не находится в Восточной Азии, является еще одним крупным обществом, внедряющим CBDC (цифровую рупию). Индия является

демократией, но продемонстрировала некоторые авторитарные тенденции при нынешнем руководстве (например, внезапная демонетизация валюты в 2016 году, отключения интернета и т. д.). Пилотный проект цифровой рупии в Индии начинается с малого, но, учитывая рвение правительства к цифровизации, можно представить, что оно может сильно ее продвинуть. Во время COVID Индия разработала платежную систему, связанную с биометрическим цифровым идентификатором (Aadhaar), которая имеет свои плюсы и минусы: она повысила финансовую доступность, но также вызвала опасения по поводу конфиденциальности. Если Индия полностью перейдет на CBDC, это может повысить эффективность, но у правительства может возникнуть соблазн использовать ее для обеспечения соблюдения налогового законодательства или даже политических программ (например, некоторые предполагают, что ее можно использовать для обеспечения того, чтобы фонды социального обеспечения тратились только на определенные товары, а не на то, что не одобряет правящая партия, например, алкоголь). Отличие такой демократии, как Индия, заключается в том, что есть активная оппозиция и гражданское общество, которые могут дать отпор. Если бы цифровая рупия рассматривалась как ведущая к государству наблюдения, это, вероятно, вызвало бы дебаты в парламенте и СМИ. Неясно, как все пойдет, но Индия станет важнейшим индикатором того, как CBDC будут играть в густонаселенных демократиях.

В других частях Азии мы видим спектр: авторитарные режимы, такие как Иран, и авторитарные режимы, такие как Турция, проявили интерес к CBDC, отчасти для того, чтобы обойти санкции (Иран) или контролировать потоки капитала (Турция). Их отчеты о правах человека показывают, что они не колеблясь использовали бы данные CBDC для подавления диссидентов (Иран уже отслеживает и ограничивает банковское обслуживание активистов). Страны Юго-Восточной Азии: Сингапур (развитое, но полуавторитарное государство) экспериментирует с оптовыми CBDC, но с осторожностью относится к розничным операциям; Филиппины и Индонезия изучают этот вопрос, но им приходится учитывать большое количество населения, не охваченного банковскими услугами (поэтому они видят в финансовой доступности положительные стороны, но также и риск исключения тех, у кого нет технологий). Подводя итог, можно сказать, что в Азии мы, скорее всего, увидим китайскую модель как крайность контроля, а другие страны выберут точки на линии баланса между контролем и свободой. Правозащитники отмечают опасность того, что успех Китая с e-CNY (если он не столкнется с негативной реакцией внутри страны) может подтолкнуть другие правительства к копированию его ограничительных мер под видом эффективности или безопасности.

Другие регионы: Европа, Африка и Латинская Америка

Европа (ЕС)был осмотрительным в своем подходе к потенциальному цифровому евро. Европейский центральный банк (ЕЦБ) провел публичные консультации, где конфиденциальность оказалась главным общественным беспокойством. Чиновники ЕЦБ неоднократно обещали, что цифровое евро «не будет инструментом для наблюдения» и будет разработано для имитации некоторых особенностей наличных денег (возможно, позволяя небольшие анонимные транзакции) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Сильные законы Европы о защите данных (GDPR) и значение, придаваемое правам человека, могут означать, что если какой-либо регион и сможет разработать CBDC с конфиденциальностью по умолчанию, то это будет ЕС. Однако даже в Европе есть скептицизм. Пиратская партия в Германии, некоторые НПО по защите гражданских свобод и даже часть немецкой и французской общественности выразили обеспокоенность тем, что цифровой евро может привести к отрицательным процентным ставкам (что нанесет ущерб вкладчикам) или государственному контролю. ЕЦБ, возможно, примет решение к концу 2023 или 2024 года, продолжать ли цифровой евро; любое развертывание произойдет не раньше 2026-27 годов. Так что Европа отстает от графика, возможно, намеренно, чтобы сделать все правильно. Тем не менее, некоторым европейским центральным банкам тихо нравится идея постепенного отказа от наличных денег (чтобы предотвратить уклонение от уплаты налогов и т. д.), поэтому внутренняя напряженность существует. Если цифровой евро появится, многое будет зависеть от законодательных гарантий парламента ЕС, чтобы гарантировать, что он не станет скользкой дорожкой для наблюдения.

Малые европейские страныимеют разные взгляды. Шведский Риксбанк запустил один из первых пилотных проектов (e-krona), поскольку Швеция уже практически не использует наличные, но они столкнулись с общественным сопротивлением из-за полной потери наличных денег. Они замедлились и обеспечивают включение тех, кто все еще полагается на наличные (часто пожилых людей). Великобритания провела консультации по «Britcoin» (цифровой фунт Банка Англии) и обнаружила, что общественность обеспокоена Большим Братом; управляющий Банка Англии заявил, что они не заинтересованы в мониторинге транзакций отдельных лиц и что конфиденциальность будет встроена. Однако подход Великобритании все еще является формирующим. Швейцария решила не вводить CBDC немедленно для розничной торговли, что, вероятно, отражает ее сильную культуру конфиденциальности (швейцарский дух банковской тайны, даже если секретность уже не та, что была раньше). Таким образом, во многих странах Европы повествование о правах влияет на дизайн или решение — обнадеживающий признак того, что демократия может формировать технологию.

Африка представляет собой другой сценарий. Несколько африканских стран принимают CBDC в первую очередь для улучшения финансовой доступности и эффективности платежей. Нигерийская eNaira, запущенная в 2021 году, была первой на континенте. Как уже обсуждалось, ее развертывание было проблематичным — низкое внедрение, а затем принудительный толчок, вызвавший негативную реакцию (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Можно рассматривать случай Нигерии как правительство, отдающее приоритет контролю (они хотели обуздать неформальную экономику и обеспечить, чтобы все деньги проходили через центральный банк) за счет общественных настроений. Результат — протесты и хаос — показывает, что даже в менее демократических условиях люди будут сопротивляться, если их повседневная жизнь будет нарушена. Другие африканские страны, такие как Гана и Кения, изучают CBDC, но следят за уроками Нигерии. У Ганы более консультативный подход, она тестирует CBDC, способную работать в автономном режиме, в регионе и прямо заявляет, что она не заменит наличные деньги, а дополнит их. В этих развивающихся контекстах есть подлинный позитивный аргумент: многие граждане не имеют банковских счетов и имеют дело с дорогостоящими или небезопасными наличными; хорошо продуманная CBDC могла бы им помочь (если она будет работать на простых телефонах и т. д.). Проблема прав человека в Африке связана не столько с Большим братом (большинство африканских правительств в настоящее время не имеют возможности для высокотехнологичного массового наблюдения, подобного Китаю), сколько с исключением или ненадлежащим управлением. Если система CBDC рухнет или будет неправильно использована коррумпированными чиновниками, это может нанести ущерб средствам к существованию. Кроме того, некоторые африканские режимы могут использовать CBDC для мониторинга финансирования политических оппонентов или для обеспечения контроля за движением капитала, который вредит обычным людям. Например, Зимбабве с ее историей гиперинфляции и валютного контроля может рассмотреть возможность использования CBDC для стабилизации своей валюты, но граждане могут опасаться, что это позволит центральному банку «воровать» стоимость посредством скрытой инфляции или ограничений.

Латинская Америка видит некоторый энтузиазм по поводу CBDC в таких странах, как Бразилия и Мексика (отчасти для модернизации их финансовых систем), тогда как другие настроены менее склонны. Бразилия пилотирует «цифровой реал» с упором на программируемые функции для финансов (но центральный банк страны также намекнул на потенциальные варианты социального использования, что вызывает удивление). Демократия в Бразилии была неспокойной, но в настоящее время наблюдается значительное участие гражданского общества в цифровых правах (например, Бразилия приняла сильный закон о свободе интернета). Мы можем ожидать, что бразильские активисты потребуют прозрачности и конфиденциальности в цифровом реале. Центральный банк Мексики заявил, что к 2025 году появится цифровое песо, нацеленное на инклюзивность — в Мексике есть большие проблемы с отмыванием денег, связанные с картелями, поэтому правительство также может рассмотреть CBDC как способ отслеживания незаконных потоков. Это касается прав человека с точки зрения безопасности: возможно, это могло бы помочь обуздать финансирование насильственных преступлений, но также правительство могло бы использовать его

для отслеживания любых транзакций, а у Мексики были проблемы с коррупцией в правительстве и шпионажем (например, скандал со шпионским ПО Pegasus). Поэтому проверки потребуются, чтобы убедиться, что коррумпированные чиновники или политики не злоупотребляют им против оппонентов. В небольших латинских странах некоторые вместо этого принимают децентрализованную криптовалюту (например, Сальвадор с биткоином) — путь, сильно отличающийся от CBDC, и явно выступающий за финансовую свободу от центральных властей. Иронично, что в то же время, когда обсуждаются эти риски CBDC, некоторые страны и сообщества обращаются к криптовалютам как к аварийному выходу, чтобы сохранить финансовую автономию перед лицом того, что они воспринимают как чрезмерное влияние как правительств, так и крупных банков. Эта динамика — CBDC против криптовалюты (централизованный контроль против децентрализованной свободы) — сама по себе является развивающейся историей.

В общем, по всему миру мы видим лабораторию различных подходов:

- **Авторитарные государства** (Китай, Россия, возможно, Иран) продвигаются вперед, чтобы усилить контроль, одновременно распространяя истории о национальной силе или эффективности.
- **Либеральные демократии** (США, некоторые страны ЕС) либо сдерживают, либо обещают проекты, защищающие права, при этом в качестве сдерживающего фактора выступают активные публичные дебаты.
- **Развивающиеся страны** борьба с практическими потребностями и потенциальным злоупотреблением со стороны правительства, часто при меньшей осведомленности общественности об этой проблеме (что опасно, поскольку политика может остаться без внимания).
- **Популистские или гибридные режимы** которые могут использовать CBDC для националистических или этатистских целей (Индия, Турция), траектория которых будет зависеть от внутреннего баланса между институтами и реакцией граждан.

Глобальная тенденция не вызывает сомнений: цифровые валюты появляются в той или иной форме. Главный вопрос в том, будут ли они реализованы таким образом, чтобы сохранить свободу человека или ограничить ее? Первые свидетельства — от беспорядков в Нигерии до ужесточения контроля со стороны Китая — дают как предостерегающие истории, так и уроки. Такие страны, как США и ЕС, могут подать положительный пример, явно защищая права в своих проектах (или полностью отказываясь от них), в то время как другие служат предупреждениями о том, чего следует избегать. Международные организации по правам человека и наблюдатели будут играть свою роль в мониторинге этих событий. Фонд прав человека уже имеет трекер CBDC, подчеркивающий, как CBDC в авторитарных странах могут способствовать нарушениям прав человека (Принятие eNaira «разочаровывающе низкое» - МВФ - Premium Times Nigeria). Эти голоса необходимо усилить, чтобы гарантировать, что по мере распространения технологий разговор будет по-прежнему сосредоточен на этике и правах, а не только на экономике и технологиях.

Заключение

Рост цифровых валют центральных банков представляет собой историческое пересечение прав и свобод человека. Как подробно описано в нашем исследовании, CBDC несут значительные риски для основных прав — от конфиденциальности и свободы слова до прав собственности и равной защиты — и могут, в случае неправильного использования, способствовать возникновению формы цифрового авторитаризма, беспрецедентной по своему охвату. Возникающий нарратив ясен: опасность CBDC заключается не только в их способности к тотальному наблюдению и контролю, но и в почти полной уверенности в том, что такие полномочия будут использоваться для подавления основных свобод, что приведет к тому, что было метко описано как «цифровое рабство» и утрате демократического суверенитета (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег) (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Это не параноидальная фантазия, а вывод, основанный на наблюдаемых тенденциях: мы видели, как авторитарные правительства открыто пускают слюни в глаза при виде

контрольных функций CBDC, и даже некоторые демократические правительства непреднамеренно склоняются к чрезмерному контролю во имя безопасности или эффективности.

В глобальном масштабе мы наблюдаем спектр подходов — от превентивных мер США по блокированию контролируемой валюты (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters), к полномасштабному развертыванию Китаем e-CNY как краеугольного камня своего контролируемого общества, к принятию Россией цифрового рубля на фоне внутренних предупреждений о «глобалистской» ловушке (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию). Многие другие страны находятся посередине, взвешивая преимущества и риски. Сравнительный анализ этого исследования подчеркивает, что контекст имеет значение: в открытых обществах CBDC могут быть ограничены законом и общественным сопротивлением; в закрытых обществах они могут быстро стать инструментами угнетения. Однако даже в демократиях требуется вечная бдительность. Канадский пример заморозки банковских счетов протестующих (Канада начинает разблокировать замороженные банковские счета «Freedom ...»), или гипотетические сценарии, в которых финансовые данные могут быть использованы в качестве политического оружия, показывают, что ни одна система не застрахована от злоупотреблений. Централизованная и оцифрованная власть CBDC усиливает любые намерения — благожелательные или злонамеренные — которые существуют у властей, которые ею владеют.

Для сторонников свободы последствия очевидны. Для защиты основных прав в цифровую эпоху недостаточно полагаться на старые гарантии — необходимо внедрить новые правовые рамки и технологические разработки, чтобы гарантировать, что CBDC (если они будут приняты) будут иметь нерушимые гарантии конфиденциальности, анонимности законных транзакций и изоляции от политических злоупотреблений. Это может включать технические функции, такие как офлайновые одноранговые режимы наличных, строгие ограничения на хранение и доступ к данным и децентрализованный надзор (например, участие нескольких ветвей власти или независимых учреждений для одобрения любого наблюдения, похожее на процесс выдачи ордера). Некоторые эксперты предлагают даже внести поправки в конституцию или заключить международные договоры для защиты финансовой конфиденциальности, подобно тому, как мы защищаем свободу слова, — потому что в мире CBDC финансовая свобода становится такой же основополагающей, как слово или религия для свободного общества.

Исследование также подчеркивает важность общественной осведомленности и согласия. Люди должны понимать, что поставлено на карту в отношении национальных цифровых валют. Слишком часто они обсуждаются как абстрактные денежные инновации, когда на самом деле они подразумевают повседневную свободу каждого гражданина. Необходимы надежные демократические дебаты, чтобы любое решение о внедрении CBDC принималось с информированного согласия людей, а не тайно или посредством технократического указа. Как мы видели, независимые СМИ и группы гражданского общества играют решающую роль в освещении перспективы прав человека — будь то российские экономисты в «Ведомостях», предупреждающие о слежке (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости), или американские аналитические центры, такие как Cato, формулирующие угрозы конфиденциальности (Риски CBDC | Cato Institute) (Риски CBDC | Cato Institute), или нигерийские активисты, осуждающие недемократическое введение eNaira (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog). Эти голоса должны быть частью разработки политики.

С глобальной точки зрения существует риск системных нарушений прав человека, если многие страны одновременно примут CBDC без гарантий. Пандемия COVID-19 показала, как быстро политика может согласовываться на глобальном уровне, иногда в ущерб правам (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health). Согласованное международное продвижение CBDC (такими организациями, как МВФ или БМР) может привести к «новой норме», когда личная финансовая конфиденциальность будет устранена во всем мире. Такой сценарий может закрепить авторитарные практики даже в странах, которые когда-то были свободными, и чрезвычайно затруднить сопротивление угнетенного населения или процветание демократий. В худшем случае мир может скатиться к своего рода цифровому феодализму, где центральные банки и их союзный

государственный аппарат станут новыми феодалами, удерживающими власть кошелька над каждым человеком — резкая инверсия демократического идеала правительства как слуги народа.

Однако это будущее не неизбежно. Сейчас есть возможность направить развитие цифровых валют в сторону расширения человеческой свободы, а не ее ограничения. Это может означать, что некоторые страны решат вообще не принимать CBDC (продолжая вместо этого улучшать существующие платежные системы), как, похоже, склоняются Соединенные Штаты (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters). Другие могут продолжить, но с минималистским дизайном (например, цифровая валюта на основе токенов, которая функционирует как цифровые деньги с анонимностью). Международные нормы прав человека должны быть включены в обсуждение: возможно, можно было бы установить новые руководящие принципы или принципы, такие как «Женевская конвенция» для цифровой валюты, гласящая, что граждане имеют право на доступ и использование финансовых систем без необоснованного наблюдения или контроля. Хотя обеспечение соблюдения является сложным, важно установить нормативную базу.

В заключение следует отметить, что национальные цифровые валюты находятся на стыке технологий, финансов и прав человека. Они предлагают эффективность и инновации, но за потенциально высокую цену свободы, а при некоторых вариантах развития и за цену самого существования человечества. Как показало это исследование HUMAN RIGHTS & ANALYTICAL HOUSE, INC., риски — если их не контролировать — включают в себя разрушение конфиденциальности, подавление инакомыслия, манипулирование общественным поведением, подрыв государственного суверенитета и консолидацию власти способами, которые угрожают основам свободной, демократической жизни. Само будущее человеческой свободы в цифровом мире может зависеть от выбора, который правительства и граждане делают сегодня в отношении CBDC. Это будущее висит на волоске: один путь ведет к расширению прав и возможностей и высокому человеческому потенциалу, поддерживаемому технологиями, другой — к «цифровому рабству» под всевидящим финансовым контролем (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег) и в конечном счете — уничтожению демократии. Чтобы избежать последнего, крайне важно, чтобы фундаментальные права и свободы человека были поставлены в основу любого решения о внедрении национальных цифровых валют. Мы не должны формировать эти технологии в соответствии с общечеловеческими ценностями, иначе они будут формировать общество вопреки фундаментальным правам и свободам человека.

Источники:

1. Human Rights & Analytical House, Inc. – Заявление о миссии (HUMAN RIGHTS & ANALYTICAL HOUSE, INC.)
2. Ведомости (Россия) – Яков Миркин, «Четыре главные опасности цифрового рубля» (Авторская статья) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости) (Четыре главных мировых блокады рубля - Ведомости)
3. Klerk.ru – «Цифровой рубль – начало цифрового концлагеря? Размышления о будущем» (анализ блога) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем) (Цифровой рубль — начало группы концлагеря? Размышления о будущем)
4. Tsargrad/19rusinfo – «Надо менять Центробанк: цифровой рубль задушит Россию» (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию) (Надо менять Центробанк: Цифровой рубль задушит Россию)
5. Crypto.ru – «Чем грозит людям цифровой рубль?» (анализ) (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег) (Чем грозит цифровой рубль людям — опасность, против, рабство, потери для россиян, в чем подвох цифровых денег)
6. Reuters – «Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий», 28 января 2025 г. (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и

европейским CBDC полную свободу действий | Reuters) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters)
7. Reuters – «Права человека в центре внимания при реагировании на COVID-19» (Эрик Фридман и др., через ThinkGlobalHealth/CFR) (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health)
8. Институт Катона – «Риски CBDC» (Норберт Мишель и Николас Энтони, 2023) (Риски CBDC | Cato Institute) (Риски CBDC | Cato Institute)
9. Институт Катона – «CBDC Нигерии не выбирали. Его навязали». (Николас Энтони, 2023) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog) (Нигерийская CBDC не была выбрана. Она была вынуждена | Cato at Liberty Blog)
10. Пресс-служба губернатора Флориды – «Флорида запрещает CBDC – защита от правительственного надзора» (пресс-релиз, 2023 г.) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора) (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора)
11. ДеСантис, Р. – Цитаты из высказываний о CBDC как передаче власти центральному органу власти (Губернатор Рон ДеСантис подписывает первый в стране закон о защите от правительственного надзора за личными финансами | Исполнительный офис губернатора)
12. Atlantic Council – CBDC Tracker (2023) – данные о глобальном принятии CBDC (например, 130 стран, 98% ВВП) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters)
13. Фонд прав человека – CBDC-трекер по Китаю, Нигерии (2022) (Запрет Трампа на цифровой доллар дает Китаю и европейским CBDC полную свободу действий | Reuters) (Принятие eNaira «разочаровывающе низкое» - МВФ - Premium Times Nigeria)
14. Forbes – «Канада разблокировала замороженные банковские счета протестующих «Конвоя свободы»» (2022) (Канада начинает разблокировать замороженные банковские счета «Freedom ...»)
15. BIS – Речь Агустина Карстенса (октябрь 2020 г.) – цитата о «абсолютном контроле» (Риски CBDC | Cato Institute)
16. Guardian / HRW – о глобальных нарушениях прав человека во время COVID-19 (Права человека в центре пандемии COVID-19 | Think Global Health)

(Все ссылки доступны и проверены в марте 2025 г.)
Даты проведения исследования: январь - март 2025 года.
Дата публикации: 16 марта 2025.